

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 5. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1842 -- ноябрь 1843.

Редактор тома М. Я. Поляков. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья С. И. Машинского.

Примечания Г. Г. Елизаветиной.

М., "Художественная литература", 1979.

[OCR Бычков М. Н.](#)

СОЧИНЕНИЯ ПЛАТОНА. Переведенные с греческого и объясненные профессором Санкт-Петербургской духовной академии Карповым. Часть II-я. Санкт-Петербург. В тип. император. Академии Наук. 1842. В 8-ю д. д. 385 стр. (Цена 3 р. сер. за обе части).

Во второй части "Сочинений Платона" так же еще нет самого Платона, как не было и в первой:¹ герой той и другой части -- великий учитель Платона, Сократ. Но в этой части Сократ является уже с другой, более интересной для всех, нежели для немногих, стороны своей. В первых трех разговорах мы видели только *диалектика* Сократа, который обезоруживал хитро-сплетенную ложь софистов их же собственным оружием -- диалектикою, но который не высказывал своих убеждений и идей, довольствуясь тем, что изобличал пустоту и ничтожество софистического лжемудрования. В следующих же *пяти* разговорах -- "Хармиде", "Эвтифроне", "Меноне", "Апологии Сократа" и "Критоне", из которых состоит эта вторая часть, мы видим мыслителя и мудреца Сократа, знакомимся с его высокою мудростью, исполненною глубочайшего нравственного и жизненного содержания. Эта мудрость всем доступна и всякому понятна, кто только жаждет мудрости: ибо Сократ, как истинный грек, есть мудрец, а не философ. Между этими двумя словами большая разница. Мудрецов могла производить только древность, где все стихии жизни были слиты в органическое целое и единое, где жрец, ученый, художник, купец, воин прежде всего был человеком и гражданином; где гуманическое начало развивалось в человеке прежде всего; где воспитание было столько же развитием тела, сколько и духа, на том основании, что только в здоровом теле может обитать и здоровая душа; где мыслить значило веровать, и веровать значило мыслить; где иметь нравственное убеждение значило быть всегда готовым умереть за него; где наука и искусство не отделялись от жизни и образ мыслей от образа жизни; где гражданин был участником и в правлении и в жречестве; где воин, в мирное время, учился мудрости и наслаждался искусством, а ученый, артист и оратор, во время войны, сражались за отечество и умирали за него; где праздники были столько же религиозными, сколько эстетическими, общественными, государственными и национальными... Греция в особенности была такою страню в древности, и только она могла произвести такого мудреца, как Сократ, который поучал мудрости, беседуя с народом на площадях, в собраниях, в торжествах, в темнице,-- везде, где мог сойтись и встретиться с человеком... Наше время -- время не мудрецов, а философов, не людей, а книжников, ученых... Это потому, что многосторонние и бесконечно разнообразные, в сравнении с древностию, элементы новой жизни до сих пор еще в брожении, до сих пор еще не примирились и не слились в единое и целое. В наше время все -- или штатские, или военные, или мещане, купцы, художники, ученые, земледельцы, все, что угодно -- только не "люди"; титул "человека" священно и велико только на словах да в книгах, а в жизни о нем никто не заботится, никто не спрашивает... В юности мы учимся всем наукам, исключая той, которая научает каждого быть человеком. Звание такое-то может в наше время избавлять от обязанности знать что-нибудь вне его сферы; звание ученого, например, позволяет быть трусом, бледнеть и прятаться при звуке оружия. Но всего грустнее, что не только звание, но даже всемирная слава философа у нас не только избавляет от обязанности считать себя в каких бы то ни было кровных связях с обществом и народом, но еще как бы поставляет в обязанность считать для себя за честь быть выше общества и современности... Оттого-то в наше время иной философ, пока на кафедре,-- Промефей, решительный Промефей; слушаешь и дивишься, как один человек может вместить в себе столько мудрости, столько знания!.. Но придите в дом к этому Промефею: боже мой, какое превращение! Филистер, мещанин, человек, которого вся поэзия жизни ограничена какою-нибудь кухаркою-женою, трубкою кнастера и кружкою пива... На кафедре -- ему, кажется, только и беседовать бы что с богами; а в жизни это один из почтеннейших членов бюргер-клуба... На кафедре это герой истины, готовый защищать ее логическими построениями, против всей вселенной; а в жизни -- это человек, хорошо вытвердивший правило "мое дело сторона" и живущий в ладу со всякою действительностию, равно счастливый при всяких